

Новая газ. - 2004 - 20-23 сент. - с. 11.

Когда у человека есть мозги, он часто смеется над самим собой. Хотя бы для того, чтобы этого не делали другие. Те, кто считает признаками ума серьезность, цинизм и затяжную депрессию с элементами вселенской скорби.

Сергей Михалок — человек с правильными мозгами и хорошим чувством юмора. Эти свои качества он в себе видит и пользуется по полной программе. Поэтому и решил парень из города Минска одиннадцать лет назад стать Ляписом Трубецким и начать играть музыку, которая больше похожа на клоунские цирковые па.

Если посмотреть мельком, это просто. Но правда такова: для того, чтобы делать пародию на что-то, нужно это что-то хорошо знать. Если клоун взлетит под купол цирка, не зная, как правильно висеть, он сломает себе шею.

Михалок умеет играть в дилетанта. Потому что профессионал. Совсем недавно он выпустил очередную пластинку качественных раздолбайских трелей под названием «Юность». Новый альбом — смесь стеба, ностальгии и какой-то умиляющей смеси простоты с добротой. О добре, жизни и профессионализме Михайлок говорил 45 минут

— Сергей, какие чувства вы испытали, когда узнали о событиях в Америке?

— Не скажу, что мне было весело, но не было ни шока, ни удивления. Я знаю, что Америка — страна, которая из любого, даже такого супернегативного события сделает шоу. То, что произошло, вояво обыгрывается пиарщиками в тех же США. И мне кажется, политики снимут с этого серьезные дивиденды. Но я знаю одно: как говорила черепаха Тортилла: «Жадные и злые не могут быть счастливыми».

— Вам не кажется, что сейчас в мире вообще стало мало доброты?

— Люди не понимают простых вещей — они все больше и больше все усложняют. То, что творится в молодежной субкультуре, да и во всем мироздании, требует колоссальных изменений. Потому что сейчас вообще нет понятия жизни — есть понятие выживания. Это супернеправильно. Есть много людей, которые имеют большую власть и влияние, — эти люди не обращают внимания на то, что происходит в уголках нашей планеты. Они заняты только собой. Но крупные империи не могут существовать долго — это доказано историей. Те люди, которые считают себя такими всемогущими карабасами-барабасами, потому что у них в руках основной капитал и основные ветви власти, просто не отдают себе отчета в том, что делают. Они не понимают, что их подкачки в виде дешевеньких шоу и гуманитарной помощи миру не нужны. Они должны изменить мироотношение. Если долго об этом говорить, то можно вернуться и к Марксу.

Взрывы в Америке символичны. Но Америка — шоу-страна. Они сейчас все это обыгрывают и забудут. Я думаю, что для них это даже не серьезный урок. Они не понимают, что не нужно никого гасить и бомбить, а надо просто остановиться и посмотреть на себя. По-моему, дело в них самих и не в ком более. Поэтому что в мире достаточно много серьезных и крутых парней — неважно, кто это, моджахеды или исламисты, или какие-нибудь японские коммунистические бригады, которые не будут мириться с тем, что пуп земли и наш главный громогзека — это Буш.

Если бы американцы остановились, немножко передохнули и зарядили свои пистолеты холостыми патронами, то и против них никто бы не воевал.

— Вы вот устроили целое такое доброе движение — «Дети солнца». Там и позитивные музыканты, и подсолнухи. Социальные ролики даже смешные снимаете — против наркомании например. Вы действительно верите в то, что сможете этим что-то изменить?

— Мы не меняем сценарий. Я не думаю, что жизнь — это театр, это скорее цирк. Сейчас в этом цирке много директоров, много хозяев. Там есть суперзвезды — супериллюзионисты и акробаты. Мы — всего лишь коверные. Все «Дети солнца» и группа «Ляпис Трубецкой» — это

СМЕХ СКВОЗЬ «ЮНОСТЬ»

такие клоуны. Люди после того, как они переживали за маэстро, который засовывал голову в пасть тигру, хотят снять напряжение. Наше дело — выйти и заполнить паузу. Мы — сфера развлечений, наше дело отвлечь, а не учить и поучать. Я понимаю, что есть много артистов, которые своими корнями уходят в нострадамусов, но наши предки — шуты при дворах королей. Если мы справимся с этой поповской задачей, это будет просто замечательно.

— Но вы же сами озвучиваете социальную рекламу — смешной такой ролик про то, как мальчики Саша и Сирож, сильно похожие на Бивиса с Батхедом, надумали употребить клей, употребили его посредством клизмы и прилипли к лавочке.

— Есть вещи, над которыми мы можем посмеяться. В данном случае мы просто рассказываем анекдоты — они же ничего не меняют. Анекдоты про Брежнева, Горбачева, азербайджанцев и армян — они же не меняли действительность.

Я считаю, что бессмысленно говорить о проблемах наркомании страшным и депрессивным языком, как это многие любят делать. Мы предпочитаем говорить об этом смешным языком, чтобы люди поняли, что это не круто, что это не нормально. Что все это суперглупо и суперсмешно.

«Дети солнца», — это люди, которые выросли на улицах и знают, что такое настоящий адреналин. Это прожить ночью по какому-нибудь спальному району города Минска. Сходить с девчонкой в ночной магазин, например. Вот это настоящий адреналин. Ни с каким клеем не сравнится.

— Вы сказали, что вы клоуны. Но тем самым вы лишаете самих себя возможности петь о том, что творится у вас в душе. Или вам это не нужно?

— Мне хватает других тем для самореализации. Я знаю, есть идола, которые возводят себя на иконостас. Но на самом деле мы все очень похожи. Я не думаю, что какой-то рок-идол по своему интеллекту и миропониманию сильно отличается от среднестатистического студента-троечника. Если им нравится на публике выворачиваться наизнанку — пожалуйста. Но для меня лично понятие артистизма и понятие гражданской сознательности, а также роли отца,

мужа, учителя разделены. Хотя ассоциации у людей возникают. После публичных разоблачений, которые я устраиваю, многие считают меня Ляписом Трубецким и уверены, что песня «Ты кинула» — про то, что от меня ушла жена. В песнях, конечно, есть элементы автобиографии, но не до такой же степени.

Мы не пытаемся вылить на табуретки, столы и уши слушателей свои внутренние умозаключения. Мне кажется, что яркая внешняя сторона иногда важнее внутренних монологов. Если говорить о том, что такое артистизм, то мне ближе Михоэлс и Мейерхольд, чем Станиславский. Когда меня учили в театральном институте играть толстого пьяного полицейского, то говорили, что я должен представить, сколько у него дома детей, когда он последний раз по-

— За те несколько лет, которые мы провели в сотрудничестве с российским шоу-бизнесом, я понял, что со значением слова «рок» у нас не все в порядке. У нас считается, что классический русский рок — это трагедия, драматизм, песни о том, что все плохо.

— Как ДДТ?

— Ну да. Хотя для меня классикой русского рока являются Мамонов, «Странные игры», «Аукцион» и группа «Вопли Видоплясова». Но даже в этом рок-цирке мы получаемся немножко коверными. В этом мире есть очень много серьезных людей, которые вращают денежными массами и делают серьезные имиджевые карьеры: это когда никто не понимает, чем ты занимаешься, — то ты торгуешь аквалагантами, то ли рок-идол, то ли просто ходишь

— это рок, «Максидром» — это уже не совсем рок. Сейчас из рок-среды выросло много таких божков, которые считают, что они знают, как определить формат, какая у них должна быть десятка, на какую песню надо снимать клип. Но при этом у них не те навыки, не тот профессионализм. В то же время поп-идолы иногда делают прекрасные в коммерческом плане вещи. Есть, к примеру, такие проекты, как «Валерия», «Дискотека Авария», «Тату». Это ж типа «попса». Но сделано просто мастерски. А рок-коллективы теперь только сбиваются в стайки. Раньше они смеялись над попсой: «ох эти рождественские встречи, да они туда ходят только своей шоблой. Вот шобла «Арсовская», вот такая-то». А что сейчас происходит? Кроме огромных фестивалей, где они выступают своей стайкой, у них ничего больше нет. Можно на пальцах перечислить по-настоящему концертующие рок-группы.

— Есть еще рокапопс. Но вас туда как-то тоже не особенно относят.

— Может быть, нас со временем начнут еще как-то называть — «фраер-роком» или «хай-фай блатняк». Мне не нравятся все эти определения. Я считаю, что личность намного обширнее любого узкого обозначения. И Лагутенко и Земфира — шире понятия рокапопс.

Пришло время очень серьезной личностной музыки. Когда в рок-культуре начинают появляться какие-то конкретные проекты, это очень хорошо. Каждый коллектив должен нести свой особенный свет. Ведь с коммерческой точки зрения все воюют на равных. Если я приезжаю в какой-нибудь город, где в один день концерт «Любэ», Киркорова и «Ляписа Трубецкого», то я с ними оказываюсь в совершенно равных условиях.

Люди могут вообще не слушать музыку. Я считаю, что где-то 80 процентов средств в сфере шоу-бизнеса приходят от тех, кому все равно. Они не меломаны, они просто настроены на хит-волну. Для них намного интереснее, что сейчас происходит в футболе, в восточных единоборствах или какие сейчас машины. Музыка в их жизни занимает очень мало места. Они не обязаны отличать рок от попа.

— Правда, что вы как-то сломали ногу и после этого бросили пить?

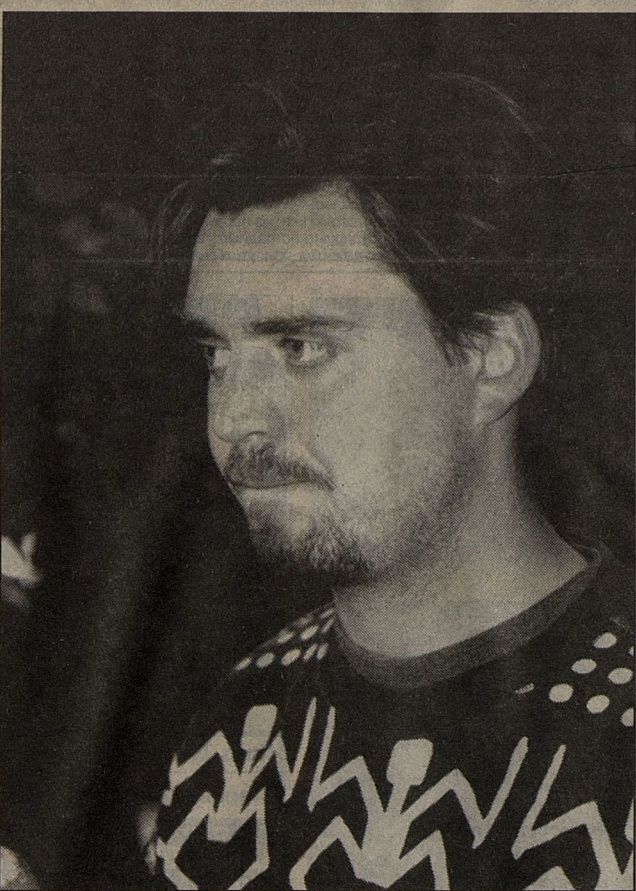
— Да. Как-то в одном клубе в Одессе мы с ребятами устроили танцы. Клуб для рейва построили, а мы же брейк... И после этого я пить водку бросил, хотя по-прежнему остаюсь ярким и фанатичным поклонником всей алкогольной культуры. Просто раньше я был играющим тренером — сейчас тренер вне игры. Я люблю пьяные компании, не люблю находиться в трезвых. Самое главное, чтобы все остальные чувствовали себя хорошо. А я пьянею вместе с ними. Сейчас мне нравится жить всухую. Просто у каждого свой путь — кто-то стайер, кто-то спринтер. Я оказался спринтером. Выпил столько, что могу книжки об этом писать. Но сейчас надо подальше отойти от этого рубежа, чтобы яснее все воспринимать. Я не жалею о том, что пил, тем более не жалею о том, что бросил. Я понял, что некоторым нужно пить, чтобы расслабиться, многим — чтобы забыться. Когда до меня дошло, что мне для всего этого водка не нужна, то понял, что я ее пью просто по инерции.

— Вы счастливый человек?

— Я стараюсь. Во всяком случае, пытаюсь выглядеть счастливым. У меня много проблем. Но я считаю, что личным я делиться не должен, — не нужно это ни на кого вешать. Проблем у всех хватает.

● Беседовала
Юлия САНКОВИЧ

Полный текст интервью
читайте на сайте
NovayaGazeta.Ru

лучал зарплату. А мне казалось, что достаточно вставить подушку и нарисовать сыняк под глазом мне так было гораздо легче.

— Вы говорите, что относите себя к поп-культуре, но я не слышала, чтобы кто-то когда-то сказал: «Ляпис Трубецкой» — голая попса». Скорее люди вообще избегают говорить о стиле...

— В русском языке даже однокоренные слова не всегда являются близкими по значению. В том смысловом поле, в котором существует сейчас слово «попса», не имеет значения ни подача музыки, и текстовое наполнение: легкие это песни «ля-ля тополя» или песни «только для людей, которые знают, кто такой Маркс». Попса — это сейчас обозначение чего-то ненастоящего, глуповатого, никчемного, посредственного, из серии «не стоит об этом вести речь». Поп-культура — понятие совершенно другого качества. Поп-культура — более интересное явление, чем рок.

— Но раньше вас все-таки больше причисляли к рок-группам.

над водой. Мне это непонятно. Я не хочу говорить «рок», потому что тогда ко мне будет много претензий: будут говорить, что я не хожу в косухе, не жил в питейских сквотах и что у наших гитар меньше драйва, чем у настоящей рок-группы. Когда я говорю: я — поп-культура, от меня все отстает: решают, что я человек несерьезный.

— Вы считаете, что рок накрывается?

— Я считаю, что невозможно вот так запросто все это накрыть. Но мне кажется, что продюсерам и промоутерам, равно как и директорам многих рок-радиостанций, нужно серьезно побороться за свое право на существование. Чистый рок — очень узкий формат. Мне кажется, что в этом отношении им сейчас приходит небольшой кирдец. Значит, что-то надо менять.

— Например, называть роком то, что чистым роком не является...

— Да. То есть расширять границы. Тогда мы тоже будем называть себя рок-группой. А то у них «Нашествие» и «Крылья»

Михалок Сергей

23.09.04.